
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Е. С. БЕЛЫХ

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АДАПТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ СЛОЖНООРГАНИЗОВАННЫХ СИСТЕМ

В статье с использованием системного подхода к анализу общественных явлений и применением методологического аппарата синергетической науки анализируется действие адаптивных механизмов, протекающих в такой сложноорганизованной системе, как общество, на уровне индивидуальных практик и совместной деятельности. С целью диагностирования проявлений адаптивных механизмов на отмеченных уровнях социального бытия в статье впервые осуществляется сравнение между следующими теоретическими конструктами: концепт институций интересубъективности, предложенный В. С. Левицким и А. В. Белокобыльским; концепт «трех миров» говорящих и слушающих субъектов в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса; концепт двухуровневой структуры социального познания, предложенный М. Томаселло. Делается вывод, что процессы конструирования социальной реальности, разворачивающиеся в рамках того или иного общества, направлены на сохранение его интегрированной целостности, координацию складывающихся отношений между людьми, гармонизацию индивидуальных практик с целью стабильного воспроизводства социальной структуры. Отмечается, что любое общество может быть оценено с точки зрения адаптивной эффективности реализующихся в его рамках технологий организации общественного управления.

Ключевые слова: конструирование социальной реальности, сложные системы, адаптивные механизмы, институции интересубъективности, коммуникация, Ю. Хабермас, социальное познание, М. Томаселло.

In the article, the systematic approach to the analysis of social phenomena and applying the methodological apparatus of synergetic science is used to
Философия и общество, № 1 2022 78–91 *DOI: 10.30884/jfo/2022.01.01*

analyze the influence of adaptive mechanisms in such a complex system as society at the level of individual practices and of joint activity. In order to reveal the manifestations of adaptive mechanisms at the marked levels of social existence, the article for the first time compares the following theoretical constructs: the concept of institutions of intersubjectivity proposed by Viktor S. Levitsky and Alexander V. Belokobylsky; the concept of the 'three worlds' of the speaking and listening subjects in the theory of communicative action by Jürgen Habermas; the concept of a two-level structure of social cognition, proposed by Michael Tomasello. The conclusion is made that the construction of social reality unfolding within the framework of a society is aimed at preservation of its integrated wholeness, coordination of emerging relations between people, and harmonization of individual practices for the purpose of stable reproduction of social structure. The author points out that any society can be evaluated from the point of view of adaptive effectiveness of the social administration technologies implemented within its framework.

Keywords: *social reality construction, complex systems, adaptive mechanisms, intersubjectivity institutions, communication, Jürgen Habermas, social cognition, Michael Tomasello.*

Введение

Рассматривая социальную реальность как коллективную форму неорганического и надорганического бытия людей, предполагающего перманентно воссоздаваемый ментально и практически интрасубъективный общественный порядок посредством координации индивидуальных практик в рамках институционализированных социальных взаимодействий, следует прибегнуть к системному рассмотрению общества в его целостности, единстве и всеобщности как наличного воплощения социальной реальности.

Общество как систему, самовосстанавливающуюся в потенции и в принципе [Парсонс 2002: 197], целесообразно рассматривать как диссипативную структуру, осуществляющую синтез порядка и хаоса и стремящуюся к максимальной устойчивости [Николис, Пригожин 1979]. В данном контексте с необходимостью возникает проблема *адаптивной эффективности* социальной системы, способной, с одной стороны, «откачивать» собственную энтропию вовне, а с другой – импортировать информационные потоки из среды.

При таком *системном* подходе к анализу общества, используя методологический аппарат синергетической науки, появляется

возможность диагностировать множественные проявления социальной субстанции с точки зрения их релевантности механизмам самоподдержания самодействующих систем.

В силу того, что любая система характеризуется как гетерогенностью состава, так и иерархичностью строения, что предполагает рассмотрение любого системного объекта как обладающего уровнями структурной организации [Социальная... 2018: 155–156], в социальной системе наличествуют структурные единицы, которые по отношению к данной системе в целом являются организационно выделенными частями, в совокупности порождающими интегральные свойства системы, не присущие ее частям по отдельности.

В зависимости от поставленных исследовательских задач, учитывая эвристическую значимость процесса выделения объективно значимых частей социальной реальности, возможно по-разному подойти к процедуре поиска сущностных, субстанциально автономных компонентов социальной системы. Для достижения целей исследования, предпринятого в рамках текущей работы, представляется целесообразным рассматривать протекающие в социуме процессы на *микро- и макроуровнях*, а именно: на уровне *индивидуальных перспектив* и уровне *совместной деятельности*, предполагающей наличие *социальной общности*. При таком подходе элементарным проявлением социальной субстанции является *индивид*, сущность которого так или иначе определяется посредством социальных предикатов [Бхаскар 1991: 221; Поппер 1992: 110–111]. В качестве же комплексных, многокомпонентных единиц социальной системы соответственно могут рассматриваться различные *коллективы* индивидов, задействованных в *совместной деятельности*, будь то семья, профессиональная организация или государство.

Для того чтобы рассмотреть действие адаптивных механизмов в такой сложноорганизованной системе, как общество, следует диагностировать их проявления на отмеченных выше уровнях социального бытия.

С этой целью в рамках текущего исследования будут использованы следующие теоретико-методологические построения:

– концепт *институций интерсубъективности*, предложенный В. С. Левицким и А. В. Белокобыльским для анализа процессов конструирования социальной реальности [Белокобыльский, Левицкий 2018];

– концепт «*трех миров*» говорящих и слушающих субъектов в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [2001];

– концепт *двухурвневой структуры* социального познания, предложенный М. Томаселло в рамках рассмотрения феномена социальной роли [Tomasello 2020].

Представляется, что в отмеченных концептуальных моделях прослеживаются схожие исследовательские ориентиры, что будет продемонстрировано в ходе дальнейшего изложения. Более того, предложенные авторами теоретические конструкты позволяют содержательно выявить логику адаптивных механизмов в такой сложноорганизованной системе, как общество.

Прежде чем приступить к анализу вышеизложенных теоретических конструктов, представляется необходимым отметить следующее.

Общество, являясь многокомпонентным, полифункциональным и далеко не однородным организмом, где взаимодействуют стратифицированные и конфликтующие группы, претерпевает множество изменений, в том числе дестабилизирующих. Процессы, происходящие внутри социальной системы, отличаются феноменологической пестротой. Данное утверждение справедливо в отношении всех уровней социального бытия.

При комплексном изучении человеческих обществ необходимо учитывать специфику как самих социальных общностей с множеством (взаимо)действующих акторов и наличием разнообразных институциональных образований, так и природу непосредственно индивида как «квазиустойчивого и квазискоротечного потока в пространстве и времени» [Коллинз 2004: 28], с присущими ему анатомическими, физиологическими, когнитивными и поведенческими характеристиками.

С необходимостью перед исследователем, стремящимся дать адекватную оценку социальной реальности, возникают проблемы «структуры» и «деятельности», макро- и микроуровней, индивида и общества, социального и ментального*, локальных и интерло-

---

* К примеру, читателя можно отослать к статье Н. С. Розова [2010], где весьма концептуально раскрываются общие закономерности ментальной и социальной динамики и предлагается концепция динамического взаимодействия менталитета, габитусов, сообществ, сетей и институтов через центральное звено – серии интерактивных ритуалов.

кальных связей, социальной и исторической динамики, межличностного и межгруппового взаимодействия, проблемы социальной солидарности и групповых конфликтов, культурных и психических компонентов сознания и поведения индивидов и групп и т. д.

Стоит отметить, что существует весомое количество теоретических построений, разработанных социологами и философами в различных областях и позволяющих приблизиться к адекватному пониманию специфики *человеческих обществ*. Представляется, что в той или иной мере объяснительным потенциалом обладают следующие теоретические конструкты: формы обобществления (*Г. Зиммель*), механическая и органическая солидарность (*Э. Дюркгейм*), понимающая социология (*М. Вебер*), символические интеракции, интернализированные другие и ролевая сущность личности (*Дж. Г. Мид*, *Г. Блумер*), общество как надорганическая система (*П. Сорокин*), интерсубъективная конституция жизненного мира, типизации и идеализации (*А. Шюц*), теория социального действия (*Т. Парсонс*), социальное конструирование реальности (*П. Бергер*, *Т. Лукман*), драматургическая перспектива, теория интерактивных ритуалов и фрейм-анализ (*И. Гофман*), теория коммуникативных систем (*Н. Луман*), дискурсивные практики и эпистема (*М. Фуко*), концепция габитуса и социального капитала (*П. Бурдьё*), теория структуриации (*Э. Гидденс*), трансформационная модель социальной деятельности (*Р. Бхаскар*), теория коммуникативного действия (*Ю. Хабермас*) и т. д.

И это далеко не весь перечень социологических идей и построений, которые должны быть в арсенале исследователя при анализе социальных процессов. В свою очередь, необходимым в данном контексте представляется и обращение к психологии *личности* с целью выявления сущностных, в том числе социально фундированных, черт последней (*З. Фрейд*, *К. Г. Юнг*, *представители неофрейдизма*, *Э. Эриксон*, *Г. Олпорт*, *А. Маслоу*, *Дж. Келли*, *Б. Скиннер*, *Л. С. Выготский*, *Д. Н. Узнадзе*, *А. Н. Леонтьев*, *С. Л. Рубинштейн*, *Б. Г. Ананьев* и др.).

Конечно же, отдельного исследовательского внимания заслуживают имманентные природе социальных систем *конфликты*, которые выполняют определенные социальные функции (*Г. Зиммель*, *Л. Козер*, *К. Боулдинг*, *А. Раппопорт*, *Л. Крисберг*, *Р. Дарендорф*,

М. Дойч, Р. Фишер, Дж. Хаймс, Р. Коллинз, Дж. Бертон и др.). Важно учитывать, что человеческим обществам свойственны вспышки насилия, агрессии; историческая картина человечества пестрит множеством восстаний, революций и войн: «Реальность же убеждает, что жизнь вне конфликта есть не что иное как утопия» [Зайцев 2001: 5].

Таким образом, велик список тем и проблемных вопросов, которые разрабатывались философами и социологами с целью анализа социальных процессов, чтобы оценить и понять все многообразие общественной жизни.

Разумеется, анализируемые в данной работе концепции не охватывают все богатство общественных явлений и не иллюстрируют в полной мере множество разнонаправленных процессов, происходящих как на уровне социальной общности, так и на уровне межличностных взаимодействий. Однако представляется, что в контексте заявленной темы исследуемые далее теоретические построения позволят проиллюстрировать *логику адаптивных механизмов в обществе как сложноорганизованной системе*, а, в свою очередь, отмеченные выше подходы смогут послужить отличным подспорьем в дальнейшей проблематизации, конкретизации и детализации рассмотренных в текущей статье идей.

Так, В. С. Левицкий и А. В. Белокобыльский отмечают, что основным механизмом надывидуального закрепления облика мира посредством упорядочивания индивидуальных действий на основе универсальных, всеобщих для определенного культурного организма паттернов являются *институты интерсубъективности* [Белокобыльский, Левицкий 2018: 45]. Такое закрепление предполагает интерсубъективную социальную реальность, возникающую в процессе осуществления и последующего закрепления алгоритмов индивидуальных и совместных практик, в ходе которых индивиды приобретают знания, умения и навыки, позволяющие ориентироваться в мире и эффективно взаимодействовать с ним.

При этом каждый индивид в процессе вхождения в социальную реальность с необходимостью проходит через «игровые поля культуры», где «вырабатывается представление о социальной игре как определенном измерении или аспекте объективного мира и о себе как акторе действия, т. е. определенная идентичность, в том числе

благодаря ограничивающим идентичность запретам, накладываемым реальностью и обществом» [Белокобыльский, Левицкий 2018: 45].

Данные «игровые поля» представлены следующими уровнями:

– поле практик *телесной идентичности*: обучение обращению с собственным телом, предполагающее выработку навыков эффективного, избирательного взаимодействия с окружающим миром в терминах «полезное-вредное», «опасное-безопасное». В данном «игровом поле» индивид обучается ориентироваться в среде, оценивать ее воздействия, программировать ответные реакции на них, в том числе посредством соотнесения чувственных комплексов и вербально-понятийных конструктов;

– поле практик *коллективной идентичности*: обучение соотнесению собственных слов, мыслей и действий с требованиями коллектива в терминах «одобряемое-порицаемое», предполагающее оценку индивидом собственных интенций с точки зрения соответствия легитимированным коллективным правилам;

– поле практик *общекультурной идентичности*: формирование личностных особенностей индивида на основе представлений о неутилитарных ценностях, позволяющих индивиду оценить свои действия в терминах «прекрасное-безобразное», «ценное-неважное» [Там же: 43–44].

Институты интересубъективности определяют формы телесного, коллективного и общекультурного вхождения индивида в социальную реальность. Наличие и воспроизводство этих форм для данной социальной системы являются необходимым условием поддержания интегрированного единства, стабильности социальной общности и жизнедеятельности входящих в нее индивидов [Там же: 46]. Представляется, таким образом, что функционирование институтов интересубъективности целесообразно рассматривать в качестве *механизма* самоподдержания самодействующей социальной системы, позволяющего последней сохранять и восстанавливать равновесное состояние в процессе перманентного взаимодействия с окружающей средой, адаптируясь под вызовы последней.

Юрген Хабермас, осуществляя формально-прагматичное исследование коммуникативного действия, где Я и Другой координи-

руют свои практики, и выявляя условия, при которых в процессе коммуникации достигается консенсус, отмечает, что инициатор действия является «продуктом традиций, в которых он живет, сплоченных групп, к которым он принадлежит, и процессов социализации, в которых он достигает зрелости» [Хабермас 2001: 202]. Данный «жизненный мир» образует контекст ситуации действия и предоставляет индивидам ресурсы для взаимопонимания, общие образцы для истолкования. При этом в основе процессов взаимопонимания лежат следующие системы отсчета, представленные «тремя мирами»:

– *объективный мир*: мир объективно существующих состояний вещей;

– *социальный мир*: мир легитимно упорядоченных межличностных отношений;

– *субъективный мир*: область субъективных переживаний, к которому говорящий имеет привилегированный доступ.

Данный комплекс мировых перспектив формируется на основе:

– *перспективы наблюдателя*: приобретается ребенком в результате перцептивных и манипуляторных практик с физическим миром;

– *перспективы отношения Я – Ты*: усваивается ребенком в процессе социальных интеракций посредством вербально-символических форм.

Целью того или иного речевого действия, соответственно, может быть, во-первых, донесение пропозиционального знания (*констативное* речевое действие, реализуемое посредством применения *когнитивного* модуса языка), во-вторых, установление или восстановление межличностных связей (*регулятивное* речевое действие, реализуемое посредством применения *интерактивного* модуса языка), в-третьих, манифестация переживаний (*репрезентативное* речевое действие, реализуемое посредством применения *экспрессивного* модуса языка). Согласие же достигается в результате того, будут ли высказывания проинтерпретированы в качестве истинных, правильных и правдивых соответственно [Хабермас 2001: 203–205]. Более того, процесс согласия также предполагает понимание и принятие участниками коммуникации своих и чужих *коммуникативных ролей* [Хабермас 2001: 207].

Таким образом, взаимопонимание, основанное на согласии между участниками коммуникации, представляет собой *механизм координации действий индивидов*, входящих в социальные общности, интегрированные на основе тех или иных ключевых ценностей и норм межличностного взаимодействия. Представляется, что данный механизм, фундированный констативными, регулятивными и репрезентативными речевыми действиями, целесообразно рассматривать в качестве направленного на поддержание устойчивого состояния социальной системы, где с необходимостью должны быть согласованы индивидуальные практики индивидов с целью достижения общих целей.

Майкл Томаселло, исследуя феномен социальной роли в процессах взаимодействия и сотрудничества между людьми, отмечает, что, вероятно, именно последние, в отличие от иных живых существ на земле, могут входить в различные по масштабу крупные социальные общности, сознательно исполняя в них определенные социальные роли, отличающиеся от ролей, исполняемых в ходе непосредственного межличностного контакта [Tomaseello 2020: 3].

Рассматривая с эволюционной точки зрения генезис феномена социальной роли, М. Томаселло акцентирует внимание на возникновении необходимости *сотрудничества* в популяциях пралюдей и ранних *Ното* в целях выживания вида. В результате экологических изменений, конкуренции с другими видами люди были вынуждены сотрудничать друг с другом с целью получения новых ресурсов (прежде всего пищевых). Осуществляя коллективную деятельность, индивиды, понимая свою взаимозависимость, координировали свои действия ввиду формирования *совместной интенциональности*. У каждого имелось представление, во-первых, об *общей цели*, ради которой реализуются как совместные, так и индивидуальные усилия, во-вторых, о *совместном внимании*, предполагающем, что участники действия обращают внимание на одну и ту же ситуацию и знают, что обращают внимание партнеров на соответствующую ситуацию, в-третьих, о своей *индивидуальной роли* в совместной деятельности. Переживаемое в совместном внимании интернализировалось как *общее знание или опыт* [Ibid: 6].

В дальнейшем, уже в результате увеличения самих групп и межгрупповой конкуренции внутри вида *Homo sapiens sapiens*, люди

начали интегрироваться в различные культуры, где под последней подразумевается большая коллективная деятельность, направленная на выживание группы, в которой каждый индивид зависел от другого ввиду наличия общих потребностей и интересов, включая групповую защиту от внешнего врага. Представляется, что культуру в данном контексте можно также охарактеризовать, используя терминологию К. Х. Момджяна, как *реальный, самодостаточный коллектив людей*, где люди связаны друг с другом, зависят друг от друга, обладают общими интересами и целями, реализуют их в совместной скоординированной деятельности, обуславливающей их способность самостоятельно создавать и воспроизводить все необходимое для своего существования [Социальная... 2018: 202, 205].

Согласно М. Томаселло, для того чтобы действия людей в рамках конкретной группы были скоординированы, поведение каждого отдельного индивида должно было соответствовать *культурным практикам*, принятым в данной культуре для координации совместных действий. При этом речь шла уже не столько о гармонизации действий индивидов, вступающих в непосредственный контакт в рамках совместной операции, сколько об *общекультурных* практиках: каждый индивид знал, что другие, даже незнакомые ему члены группы, знают то же, что и он. Посредством институционализации подобных практик социальные роли приобрели четкий, артикулируемый характер, а их «правильное» исполнение имплицитно интерпретировалось как необходимое для поддержания культурных институтов.

Именно в рассмотренных выше отношениях *индивид – группа* при участии коллективной воли М. Томаселло видит источник перехода к культурному образу жизни.

Разумеется, что психологическим фундаментом социальных ролей является *индивидуальная роль*, реализующаяся в непосредственных, межличностных интеракциях, в ходе которых, ввиду совместной интенциональности, индивиды впервые устанавливают через совместное внимание, что у них с партнером один и тот же фокус внимания с одним и тем же когнитивным содержанием. Впервые это осуществляется на ранних стадиях развития ребенка

посредством достижения общей с партнером цели в рамках простой игры, в ходе которой, во-первых, ребенок научается мыслить и действовать в терминах ролевого представления ситуации («дочка-мама», «прячущийся-ищущий»), во-вторых, «в процессе взаимодействия и общения с другими людьми в контексте сотрудничества и совместного внимания, дети концептуализируют мир с точки зрения различных перспектив, опять же, чего не делают другие приматы. В результате дети научаются различать индивидуальные взгляды на ситуацию (внешнее проявление, мнение, убеждение) и саму “объективную” ситуацию (реальность, факт, истина), которой могут соответствовать или не соответствовать субъективные оценки» [Tomasello 2020: 8].

М. Томаселло заключает, что *двухуровневая структура* социального познания, предполагающая, с одной стороны, общие цели и совместное внимание, а с другой – индивидуальные роли и субъективные точки зрения, лежит в основе того, что «дети начинают уважать других людей как одинаково достойных партнеров, вступая в сотрудничество с другими в рамках общей организации для достижения общих целей. Более того, нормативное оценивание себя и других с точки зрения процессов сотрудничества требует общей иерархии ценностей среди членов группы относительно того, как люди должны играть свои роли, включая их самую главную роль в качестве *члена группы*. Этот процесс оценивания приводит индивидов к тому, что они рассматривают себя нормативным образом с точки зрения “мы” в группе и, таким образом, формируют моральную идентичность» [Ibid: 16]. В силу того что люди должны взаимодействовать друг с другом, чтобы выжить, им необходимо *адаптироваться* к совместной активности и в конечном счете к общекультурной деятельности, связанной с общими для социального организма целями и включающей индивидуальные роли.

Заключение

Таким образом, рассмотренные теоретико-методологические построения имеют, во-первых, схожие исследовательские установки, во-вторых, содержательно позволяют проследить действие адаптивных механизмов, функционирующих в сложноорганизо-

ванных системах, в процессах конструирования социальной реальности. Следует пояснить сказанное.

– В ходе обучения обращению с собственным *телом* и выработки адекватной модели взаимодействия с окружающим миром индивид, находясь в *позиции наблюдателя*, познает мир объективно существующих состояний вещей, одновременно воспринимая объекты, явления и процессы двумя разными способами – *со своей собственной точки зрения и с точки зрения партнера*, что позволяет воспринимать реальность как «объективную», то есть независимую от какой-либо одной субъективной перспективы [Tomasello 2020: 9].

– Индивид, научаясь в процессе социальных взаимодействий соотносить *перспективы отношения Я – Ты*, дает оценку собственным интенциям с точки зрения их соответствия легитимированным *коллективным* правилам, усваивает модели упорядоченных межличностных отношений, базирующихся на совместной активности, предполагающей как соотнесение своей индивидуальной роли с общими целями группы, так и выполнение социальной роли в рамках конкретной культурной общности. «По всей вероятности, объективность той социальной реальности, которая является для нас как “мир”, опирается на закрепленные в общественной памяти алгоритмы индивидуальных практик, точнее, ролей в практиках коллективных, успешность исполнения которых строго контролируются социумом» [Белокобыльский, Левицкий 2018: 43].

– *Личностные* особенности индивида, пласт его *субъективных переживаний*, формируются с учетом «интуиций наличия ценного, прекрасного, должного, которые даны и понятны в нашем внутреннем мире, но не принадлежат нам, так как могут быть утверждены только в *интерсубъективной реальности*, атрибутами которой они и являются. Они – часть объективности того, что существует благодаря нашему стремлению их утвердить своей мыслью, действием, чувством» [Там же: 44]. Моральный облик, идентичность индивида формируется в результате выработки нормативной позиции по отношению к «мы» в культурном сообществе.

Действие же адаптивных механизмов в процессе конструирования социальной реальности с учетом вышеизложенного проявляется:

– на индивидуальном уровне: в результате приспособления человеческого организма как системы к физическим условиям окружающей среды и к совместной активности, являющейся проявлением общекультурной деятельности, фундированной легитимированными паттернами межличностного взаимодействия;

– на уровне *социальной общности*: в результате координации и гармонизации индивидуальных усилий в воспроизводстве социальной реальности посредством институций intersубъективности, задающих параметры успешности и эффективности коммуникативных практик, социального взаимодействия и его организации.

Представляется, что отмеченные адаптивные механизмы, реализуемые в такой сложноорганизованной системе, как общество, направлены на поддержание гармоничного, стабильного существования как социальных групп, так и входящих в их состав индивидов. При этом, несмотря на разнообразие лежащих в основе конструирования социальных реальностей ценностных систем, необходимо учитывать те факторы, которые имеют принципиальное значение для любого общественного организма:

– несмотря на уникальность физического, социального, культурного окружения индивидов, они являются носителями определенной генетики вида *Homo sapiens*, что предполагает инвариантный способ адаптации людей к окружающему миру и взаимодействия с ним посредством обмена веществом, энергией и информацией, индифферентный социокультурным особенностям. Инаковость «жизненных миров» не отменяет того факта, что любой человеческий организм стремится к поддержанию «информационного контакта с информацией, идущей изнутри организма и из внешней среды, с целью предугадывания ее возможных изменений и поддержания в готовности адаптационных механизмов» [цит. по: Белокобыльский, Левицкий 2018: 41];

– любая социальная система стремится к сохранению интегрированной целостности и поддержанию устойчивого, равновесного состояния, поэтому процессы конструирования социальной реальности, разворачивающиеся в рамках того или иного общества, вне зависимости от содержательного разнообразия ценностных ориентиров, направлены на координацию складывающихся отношений между людьми, гармонизацию индивидуальных практик с целью

стабильного воспроизведения социальной структуры. Иными словами, любую социальную систему, воспроизводящую определенный тип социальной реальности, можно оценить с точки зрения адаптивной эффективности реализующихся в ее рамках технологий организации общественного управления.

Представляется, что, несмотря на феноменологические флуктуации и пестрые локальные различия, в процессах конструирования социальной реальности в рамках различных культурных сообществ проявляется структурное родство, во многом обусловленное действием адаптивных механизмов, имманентных любым сложноорганизованным системам.

Литература

Белокобыльский А. В., Левицкий В. С. Социальная реальность. Институты intersubjectivity // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 39–51.

Бхаскар Р. Общества // Социо-Логос: сб. / сост., общ. ред. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 219–240.

Зайцев А. К. Социальный конфликт. 2-е изд. М. : Academia, 2001.

Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1. С. 27–39.

Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М. : Мир, 1979.

Парсонс Т. О социальных системах. М. : Академический проспект, 2002.

Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Розов Н. С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5(8). С. 50–67.

Социальная философия и философия истории: учеб. пособие / под ред. К. Х. Момджяна. М. : ИНФРА-М, 2018.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001.

Tomasello M. The Role of Roles in Uniquely Human Cognition and Sociality // Journal for the Theory of Social Behavior. 2020. Vol. 50. Pp. 2–19.